

Король летит на ковче-самолёте,
вокруг него сгрудилась его свита.
– Куда мы летим? – вопрошает король.
– Мы летим в Лапландию, Ваше Блаженство,
мы намерены провести с ней переговоры
о нераспространении льда за её пределы.
– Странно, – говорит король, –
ведь лёд несёт ветром,
а ведь это мы делаем погоду.
– Но лёд производит Лапландия,
Ваше Блаженство.
– Великолепно. Однако, когда мы будем
пролетать горы,
прошу вас обратить на них моё внимание.
– Горы, Ваше Блаженство, обратите внимание,
горы.
– Великолепно! Если бы всю землю покрывали
горы, нам бы не надо было летать на самолётах,
можно было бы просто прыгать с вершины
на вершину.
– Совершенно верно, Ваше Блаженство,
но у гор один недостаток:
они производят лёд, и, следовательно,
Лапландия
может предъявить претензии на все горные
вершины.
– Невероятно! Невероятно! Как только
мы прибудем на место, напомните мне
о моём народе,
о его мощи, величии и названии,

чтобы от его общего лица я мог Лапландии
диктовать волю.
– Воля ваша, Ваше Блаженство,
а что касается народа, то ваш народ – это люди,
люди не позволят дать себя в обиду.
– Великолепно. Но когда мы будем пролетать
море, прошу вас обратить на него моё внимание.
– Море, Ваше Блаженство, обратите внимание,
море.
– Великолепно! Если бы всю землю покрывало
море, то нам не надо было бы делить землю.
– Совершенно верно, Ваше Блаженство.
– Но поскольку это не так, обратите внимание,
когда мы будем перелетать границу,
не забудьте всем раздать меховые шапки,
чтобы чуждое веяние не повредило нам уши.
– Будет сделано, Ваше Блаженство.
– Кстати, что это за дымка там, на горизонте,
может быть, это враждебные силы
в нарушение всех негласных соглашений
выбивают там свои ковры-самолёты?
– Не волнуйтесь, Ваше Блаженство,
горизонтальная служба наведёт там свой порядок.
– А где мы летим? – король вопрошает.
– Мы летим, где положено, – отвечает хором
свита, и её ответ переходит в гимн стихиям,
которые тем и прекрасны,
что нам должны покориться.
Но король опять вопрошает в тревоге:
– Да кто мы?

– Мы сама справедливость, – поёт его свита.
– Мы сама справедливость, и на нас вся надежда, – и король поёт вместе со всею свитой,
пока не становится видимым дыханье,
и тогда он отдаёт распоряженье
раздать всем меховые шапки, и песня стихает,
потому что сквозь шапку её не слышно.
– Куда мы летим? – вопрошает король в шапке.
– Мы летим в Лапландию, Ваше Блаженство,
мы летим в Лапландию делать погоду, –
но король уже ничего не слышит.

* * *

Король проводит день в большой тревоге,
первый день, а потом второй и третий,
приближённые спрашивают,
что его так тревожит,
и король отвечает:
– Надо рассмешить Царевну-Несмеяну,
она не хочет смеяться тому,
чему мы смеёмся.
У всех есть ковры,
у некоторых самолёты,
но ковры сами по себе не летают,
а самолёты не всегда мягко садятся.
У всех пока есть, что есть,
но никто не знает, что будет,
так что срочно нужна скатерть-самобранка,
а чтобы всего этого добиться,
может понадобится дубинка-самобитка
как для народа, так и для приближённых.
Короче говоря, мне кажется, что дурак нужен,
Иван-дурак, ещё не совсем превратившийся
в Джона,
чтобы разрешить некоторые проблемы.
– Что за проблемы! –
восклицает первый приближённый,
а за ним второй и третий,
– Если я нужен, то я перед вами!
– Нет, – король качает короной, –
мне такой дурак даром не нужен,
мне нужен дурак из сказки,
который выловит в проруби подводную лодку
и заставит её исполнять свои мирные желания,
не обязательно ему ездить на ядерной печке,
но очень хочется, чтобы на душе потеплело,
и хочется, чтобы всем стало веселее.
– Да, такого дурака найти непросто, –
говорит первый приближённый.
– Такого дурака нынче с электричеством
не сыщешь, –

говорит второй приближённый.
– Таких дураков нету, –
говорит третий,
и говорят все вместе:
– Мы дураки не такие,
хотя тоже хочется, чтобы на душе потеплело,
и хочется, чтобы всем стало веселее.

* * *

– Народ ждёт от вас действий, Ваше Блаженство.
– Откуда это видно?
– Это видно из того, что народ безмолвствует.
– Каких же действий ждёт безмолвный народ?
– Лучше всего военных,
поскольку в этих действиях
народ хорошо себя проявляет
и выявляет свои лучшие силы,
которые кричат вперёд, когда надо,
и безмолвствует, когда уже ничего не надо.
– Против кого должны быть действия?
– Скорее всего, против другого народа,
который тоже хочет выявить свои лучшие силы.
– А когда одни лучшие силы
угрожают другим лучшим силам,
чего мы добьёмся с остатками народа?
– Мы добьёмся мирных переговоров, Ваше
Блаженство,
в результате которых
вам могут предложить остатки другого народа,
который будет безмолвно ждать от вас других
действий.
– Против кого?
– Хотя бы против остатков своего народа,
Ваше Блаженство!

* * *

– Раз вы король, то вам нужна охрана, –
сказала ему свита.
– Что это значит, охрана?
– Это сильные, крепкие люди,
которые будут вас защищать от прочих.
– Кто такие прочие?
– Это сильные, крепкие люди,
которые захотят отнять у вас корону,
а то и жизнь вместе с короной,
а то и просто жизнь,
вообще без короны.
– Что это за жизнь,
если есть такие люди,
и в чём смысл охраны такой жизни?
– Смысл в том,

чтобы все сильные, крепкие люди
постепенно вошли
в число вашей охраны,
не отняв у вас вашей жизни
при этом постепенном переходе
и не покушаясь в дальнейшем
уже в качестве охраны
на вашу корону.
– Не проще ли
ходить в обычной меховой шапке? –
спросил король, но ему возразили:
– Не проще,
ибо всё равно тяжела шапка Мономаха,
тем более если и под ней
пытаться думать.

* * *

Над королём размахивают опахалом
и приговаривают при этом:
– Вы лицо историческое,
поэтому не закрывайте лицо руками.
В ваших руках судьба народа,
поэтому, когда идёте вперёд,
смотрите под ноги и мягко ступайте.
Когда будете что-нибудь обещать народу,
стучите себя кулаком в грудь,
это можно.
Чтобы грудь при этом бренчала,
мы её увешаем орденами,
это придаст весомость каждому слову.
– А если народ повернётся к историческому
лицу задом?
– Шутить изволите, Ваше Блаженство,
народ есть сущность абстрактная,
так что ему фактически нечем к вам
повернуться.
– Любопытно, а мне казалось,
что если кто имеет свое лицо,
то имеет и всё остальное.
– Вашему Блаженству простительны даже
крамольные мысли.
– Мысли всегда простительны
(по рядам свиты пролетает шёпот –
король сегодня в добром расположении духа).

* * *

Король решил погладить народ по головке,
памятуя о том, что народ перед ним снимает
шапки,
приближённые тут же пошли ему навстречу
и склонили свои пустые головы перед

Его Блаженством.

Но умеренная оппозиция тут же покорно
возразила –
народ всё равно останется недоволен,
поскольку до любого и каждого трудно
дотянуться,
разве что во время массовых
народных волнений, но и тут трудно будет
отличить народ от стражей порядка,
которые от волнения потеряют свои
железные каски.
К тому же любой и каждый может этот жест
понять иначе,
будто рука владыки потянулась не к головке,
а к горлу, так что народ может просто откусить
вашу руку,
ибо у народа зубов больше, чем мозга.
Пусть лучше народ вашей протянутой руки
не замечает,
поскольку видит только свои протянутые руки,
а король пусть гладит своих приближённых,
тех, у кого ещё есть голова на плечах,
их число ограничено и обозримо,
из них каждый может ловко лизнуть вашу руку,
даже если она дружески дерёт вам уши.

* * *

Как отмечают хроники и хроникёры,
народ короля любит,
поскольку король накормил свой народ
чужим народом.
Но если народу тыкать в нос чужим народом,
он ничему не поверит,
он будет задавать ехидные вопросы:
откуда видно, что чужой народ съеден?
Можно проверить все пустые упаковки,
на них нет и намёка на людоедство,
на наших свалках не найти человеческих
скелетов,
в нашем кофе нет чужого пота
и в блеске наших алмазов и рубинов
ничья чужая кровь не играет,
а вы хотите наши рекламные радужные краски
залить краской стыда, скорее серой,
чем красной,
в конце концов, что вы от истории хотите,
всегда в истории сытые давали работу
голодным,
и, если кто-то из голодных делался сытым,
это не значило, что он съел своих голодных
братьев,
ведь чем больше сытых,

тем больше работы для голодных,
это верно как для нашего народа,
так и для любого другого,
для которого наш народ – пример
для подражания, потому нашего короля
должны любить все народы,
и за этим должны следить
хроники и хроникёры.

* * *

Король был когда-то
простым человеком,
и с ним водились простые люди,
для которых всё просто.

И вдруг он понял,
что можно быть ещё
проще простого,
и тогда с ним стали водиться и те,
для кого всё
проще простого.

Главной заботой короля стало
следить за тем, чтобы те,
для кого всё проще простого,
присматривали за теми,
для кого всё просто,
то есть те, кто проще простого,
не спускали глаз
с простого человека
в надежде на то,
что простой человек
сам уже не допустит
никакого другого человека.

Так они и жили,
люди как люди.

* * *

Что за весть нам на хвосте принесла сорока,
и не сорока, а совсем чужая птица,
да и вообще этой птицы никто не видел,
только кто-то слышал,

будто она провещала,
что наш король умер.
Как мы теперь будем,
что с нами без него станет?
Мы ведь думали, что король вечен,
а теперь возможны перемены,
нам, возможно, придётся
не думать по-другому,
а по-другому не думать –
это очень болезненная перестройка,
вот поэтому мы горюем,
мы плачем:
на кого ты нас покинул,
вокруг кого теперь будет виться наша свита,
от лица кого мы будем плясать и петь
перед народом,
перед лицом кого мы будем твердить
о благе народа,
вслед за кем,
по поручению кого,
в чью честь и кому на руку?
Увы, но кто это идёт нам навстречу?
Это же Его Блаженство собственной персоной!
Кто же это нам подsunул чужую птицу,
да и не чужую, а просто сороку,
на хвосте у которой мы чуть не поплелись всей
свитой?

* * *

Диковинный сон королю приснился,
будто народ его процветает,
и король понял, что это сновиденье.

Диковинный сон королю приснился,
будто он и не король вовсе,
и тут он в страхе проснулся.

Диковинный сон королю приснился,
будто он свой подданный и не больше,
и тут же сон стал ещё глубже.

Диковинный сон королю приснился,
будто он сам над собой поставлен,
с тех пор короля бессонница гложет.